Елена Литвинская

ИЗБРАННИЦЫ

12 женских портретов на фоне времени

Елена В. Литвинская

Избранницы. 12 женских портретов на фоне времени

Серия «AmorFati»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624865
Избранницы. 12 женских портретов на фоне времени: РИПОЛ классик; Москва; 2017
ISBN 978-5-386-09891-9

Аннотация

Они появляются в любые времена. Избранницы Бога, судьбы и любимых мужчин, женщины-легенды, женщины-звезды, чей магнетизм и красота слишком велики и непостижимы для земной жизни. В их жизни все потрясающим образом преувеличено – успех, слава, любовь, страсть, счастье и страдание… Любимая певица последнего русского императора Надежда Плевицкая, несравненная Анастасия Вяльцева, загадочная Катюша Симон, вдохновенные Анна Павлова и Ольга Спесивцева, легендарная Габриэль Шанель, обворожительная Мария Пуаре, волнующие Роми Шнайдер и Ингрид Бергман, блестящая Франсуаза Саган, мудрая Анастасия Цветаева, любящая и мужественная Алла Нагибина… Невидимая нить, связывающая этих блистательных женщин, так непохожих друг на друга, в драгоценное ожерелье, –

время и творчество. В этой книге – 12 сенсационных историй о любви, 12 женских портретов на фоне декораций ускользающего времени.

Содержание

От автора 6
История катюши С. Екатерина Гимер-Чистова 10
Я ехала домой… Мария Пуаре 28
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Елена Литвинская Избранницы. 12 женских портретов на фоне времени

© Ерофеева-Литвинская Е. В., 2017

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

От автора

«История эта может послужить материалом драматургу для драмы», – писала газета «Петербургский дневник театрала» о судьбе одной из героинь этой книги, прославленной певицы Анастасии Вяльцевой. Да, ее яркая, рано оборвавшаяся жизнь была драматична, как драматичны биографии другой певицы – Надежды Плевицкой, балерин Анны Павловой и Ольги Спесивцевой, модельера Габриэль Шанель, актрисы, певицы и поэтессы Марии Пуаре, актрис кино и театра Роми Шнайдер и Ингрид Бергман, писательниц Франсуазы Саган и Анастасии Цветаевой… И пожалуй, они просятся не только в драму, но и в многостраничный любовный, подчас авантюрный, а то и детективный роман. А для другой героини книги – казалось бы, ничем не примечательной Екатерины Гимер-Чистовой, эти слова сбылись буквально. Именно ее скандальный бракоразводный процесс 1896 года, о котором судачила вся Россия и резолюцию на приговор которого наложил сам Николай II, послужил великому русскому писателю Льву Николаевичу Толстому основой для создания классической драмы «Живой труп».

Героини этой книги – такие разные, непохожие – восходили к вершинам славы неправдоподобно стремительно (так, Франсуаза Саган в девятнадцать лет, опубликовав свой первый роман, стала богатейшей девушкой Франции), букваль-

но «из грязи в князи» (сирота Шанель возглавила империю мировой моды, а дочь прачки из Лигово Анну Павлову провозгласили символом балета), просыпались знаменитыми в одночасье, хотя для кого-то из них это оборачивалось порой и неслыханным позором. Кто-то рос в нищете, кто-то во вполне благополучных, обеспеченных семьях, но все героини, о которых пойдет рассказ, отвергли свою среду, переступили через ее законы и устремились к совершенно иным горизонтам. Все они познали свой звездный час и побывали в роли дивы, постоянно мелькающей в журнальных и газетных хрониках, в роли героини обывательских кривотолков. И им, как никому другому, было известно, что фортуна непостоянна и переменчива, что жизнь то и дело съезжает с накатанной колеи, что прямых путей не бывает, что пути Господни неисповедимы, что искусство несоизмеримо выше жизни, хотя и прорастает из нее, что едва ли можно постичь Божий промысел о человеке…

«Когда я думаю о своем прошлом, то испытываю головокружение», – говорила Франсуаза Саган.

Эти слова, наверное, могла бы повторить любая героиня этой книги. Их жизнь была головокружительна, им было о чем вспомнить, коротая дни затянувшейся старости или, наоборот, внезапно оказавшись на волосок от смерти.

В их судьбах было столько поворотов и событий, столько взлетов и падений, что кажется странным, как все они могли вместиться в сравнительно небольшой отрезок времени под

названием «жизнь». И эту жизнь, и свою любовь, к которой героини этой книги неустанно стремились, они переплавили в искусство, даря современникам моменты высочайшего художественного наслаждения и не задумываясь, чем придется за это заплатить.

Многие из них были и прокляты (вспомним хотя бы безжалостную травлю Роми Шнайдер или публичные издевательства над Ингрид Бергман, посмевшей изменить мужу и полюбить другого) и незаслуженно стерты из памяти последующих поколений. Чаще всего по идеологическим мотивам – зачем вспоминать Плевицкую, любимую певицу последнего российского императора, к тому же эмигрантку? Или исполнительницу «бульварных однодневок» Вяльцеву, муж которой после ее смерти скрылся в Германии и заведовал делами русских беженцев при Гитлере? Или безнравственную и, по слухам, сумасшедшую графиню Орлову-Давыдову (она же Мария Пуаре, автор популярного романса «Я ехала домой»), шафером на свадьбе которой был Керенский? Лишь в последнее десятилетие эти имена вновь всплыли из небытия. Но все равно осталось нечто, что не дало и не даст им умереть совсем – созданные ими книги, фильмы, песни, романсы, модели одежды, запечатленные на пленку мгновения их танца, их фотографии, а то и сами жизненные перипетии, обернувшиеся бессмертной драмой…

Возмутительницы общественного спокойствия, нарушительницы общепризнанных норм, установившие свои прави-

ла – по неписаному праву большого таланта, – они были судимы при жизни – непрочным и поспешным земным судом. Саган называли «нахалкой, ворвавшейся в литературу», Шанель – «шваброй», Бергман – «пятном на флаге страны», Спесивцеву за границей считали шпионкой и «красной Жизелью», а об искусстве Вяльцевой крупнейший музыкальный критик того времени Владимир Стасов и вовсе отзывался в непечатных выражениях. Процесс 1916 года над Марией Пуаре, присвоившей себе чужого ребенка, затмевал собой сводки с фронтов военных действий Первой мировой! Кто только не бросил тогда в нее камень… Вопиющую несправедливость сталинских сфабрикованных процессов вынесла, не сломившись, Анастасия Цветаева…

Но все они оправданы перед судом Времени. Ведь ими правила Любовь и Гениальность. Забвение им не грозит. И мы, возвращаясь к причудливым обстоятельствам судеб этих удивительных женщин, давно и недавно покинувших нашу грешную землю, погружаемся в глубины их души, пытаемся их понять, простить и полюбить…

История катюши С. Екатерина Гимер-Чистова

Литературоведы, пишущие о творчестве Льва Николаевича Толстого, в частности о его знаменитой драме «Живой труп», идущей на сценах всего мира, обязательно упоминают людей, ставших прототипами героев пьесы – Николая Гимера, его жену Екатерину и второго мужа Екатерины Степана Чистова. Но что скрывается за этими именами? Какой была Екатерина? Как она жила? И как полу-

чилось, что жизнь хорошенькой, благовоспитанной московской барышни превратилась в криминальную драму, где нашлось место и зловещей проруби на застывшей Москве-реке, и подложному письму в кармане утопленника, и неожиданно воскресшему «трупу», и шокировавшему воображение российских обывателей скандальному факту двоемужества? А если еще обнаруживается, что Екатерина – твоя дальняя, пусть не прямая, но все же родственница и ты держишь в руках некогда принадлежавшую ей вещь?

…По обеим сторонам зеркала на туалетном столике стояли две одинаковые пудреницы, чудом прошедшие через все конфискации и экспроприации. Пудреницы в виде фарфоровых тюльпанов – бледно-розовых, полураскрывшихся, чуть бахромчатых по краям, на длинных бронзовых ножках, покрытых густой позолотой. Подарок покойного мужа Степана Ивановича на день ангела. Он любил свою жену, с первого взгляда и до конца дней очарованный ее красотой и внутренним светом, и всегда старался сделать ей что-то приятное.

Екатерина Павловна, сидя в кресле у столика, рассеянно провела по лицу пуховкой – заячьим хвостиком – когда-то это был шик, – сохранившим остатки тончайшей рисовой пудры. Да, все еще красива, хотя предательские морщины выдают возраст. А сколько пришлось перенести… О жизни с первым мужем и связанной с ним кошмарной истории она старалась не вспоминать, но забыть об этом ей не давали всю

жизнь. И зачем только Лев Николаевич написал эту пьесу?

…Катюша росла в бедной московской семье прапорщика Павла Симона. Видимо, их далекие предки были выходцами из Франции или Швейцарии, и примесь французской крови придавала расцветавшей на глазах девушке, миниатюрной блондинке с красивыми, выразительными глазами, особый шарм. Отец рано умер, и мать Катюши, Елизавета Антоновна, женщина волевая и решительная, поспешила пристроить восемнадцатилетнюю дочь замуж. Как ей казалось, очень удачно. О любви к будущему мужу со стороны Катюши речь не шла. Скорее о симпатии. Главное, что жених был достойный – дворянин Николай Самуилович Гимер, из обрусевших немцев, небогатый, но имевший постоянное место службы при железной дороге, да и внешне привлекательный.

Через год после свадьбы, в 1882-м, у супругов родился сын, названный в честь отца Николаем. Жить бы да радоваться, но не тут-то было. У Николая Самуиловича, в общем-то человека неплохого и по-своему любившего Катюшу, обнаружился очень серьезный недостаток – он пристрастился к выпивке. Все чаще он возвращался домой нетрезвым, обдавая жену отвратительным запахом перегара и дешевого табака, и валился, не раздеваясь, на кровать. Тихий и непритязательный, в подпитии он бывал грубым и неуправляемым. Все отвратительное, что таилось в глубинных уголках подсознания, тотчас вылезало наружу.

Наутро Гимер клялся и божился перед иконой, что это в

последний раз, а потом все повторялось снова и снова. Постепенно эта пагубная страсть все больше овладевала Гимером, и он ударялся в длительные запои, оставляя свою молодую жену наедине со всеми проблемами. Николай Самуилович почти перестал появляться дома, опустился до кабаков и притонов, где порядочному человеку не место, и в итоге потерял службу. Видеть это медленное самоубийство близкого человека было невыносимо. Катюша порой доходила до крайней степени отчаяния, и только мысли о маленьком сыне и необходимость заботиться о нем удерживали ее от последнего шага.

Мать Катюши, состоявшая в переписке со Львом Николаевичем Толстым, попросила у него совета. Писатель откликнулся, не подозревая, что спустя десятилетие девушка, которую он пытался наставить на путь истинный, станет прообразом героини его пьесы. Что же посоветовал Толстой? Терпеть, покориться… Но Катюшу такое решение совершенно не устраивало. Она ушла от мужа.

Они с сыном остались практически без средств к существованию, мыкались по съемным углам и подвалам, нередко голодали. Екатерина кое-как перебивалась случайными заработками. Долго так продолжаться не могло. Отдав Колю на воспитание дальним родственникам, Екатерина поступила на акушерские курсы и в качестве акушерки устроилась на большую текстильную фабрику в тихом подмосковном городке Щелково Богородского уезда.

Случайная встреча со Степаном Ивановичем Чистовым, из местных крестьян, служившим в конторе фабрики, перевернула ее жизнь. Молодые люди полюбили друг друга. Исстрадавшаяся, измученная Екатерина почувствовала, что теперь у нее появилась опора, что открылась новая страница в ее жизни, которая непременно принесет ей счастье. Степан Иванович, человек умный, надежный и предприимчивый, оказался прекрасным семьянином и, что называется, носил Екатерину Павловну на руках. Он был интеллектуалом, любил порассуждать на высокие темы. Но как можно жить с ним «во грехе»? Этого родственники Чистовы, довольно строгие в вопросах религии и морали люди, не одобряли, хотя Екатерина, открытая, доброжелательная, готовая всегда прийти на помощь, со спокойным и ровным характером, всем очень нравилась. Да и ей самой, неразведенной жене другого мужчины, было не по себе.

Официально расстаться с Гимером Екатерине не удалось. Московская Духовная консистория в расторжении брака отказала, хотя Николай Самуилович давал Екатерине Павловне развод и был готов признать свою вину в распаде семьи. И тогда у Екатерины Павловны созрел очень рискованный план. На такое ее могла сподвигнуть только любовь. Любовь, которой она не знала прежде.

«Помоги тебе Господь, Катюша, чтобы все уладилось», – благословил ее Степан Иванович перед поездкой в Москву. Сколько бессонных ночей провела бедная женщина, обду-

мывая свой невероятный план, сколько всего пережила и перечувствовала, прежде чем решилась…

Николая Самуиловича Екатерина разыскала в одной из московских ночлежек. Грязный, опустившийся, заросший неопределенного цвета щетиной, он ничем не напоминал человека, за которого она когда-то вышла замуж. Нечто среднее между Мармеладовым Достоевского и Бароном из пьесы Горького. Как многие пьяницы, он был человек незлобивый, в чем-то даже добрый, а попросту говоря, бесхарактерный. Его не пришлось долго уговаривать. Гимер согласился на необычное предложение Екатерины, лишь бы его оставили в покое. А предложила ему Екатерина Павловна исчезнуть, и не просто исчезнуть, а пропасть насовсем, то есть… умереть. Конечно, не в буквальном смысле. Достоверно инсценировать самоубийство – вот каков был ее план. Она продумала все детали жуткого спектакля. Оставить у проруби на замерзшей Москве-реке одежду, документы и отправить жене прощальное письмо. Как говорится, был человек – и нет человека.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна, последний раз пишу Вам, жить я больше не могу. Голод и холод меня измучили, помощи от родных нет, сам ничего не могу сделать. Когда получите это письмо, меня не будет в живых – решил утопиться. Дело наше можете прекратить. Вы теперь и так свободны, а мне туда и дорога», – на каком-то замусоленном листке выводил Гимер под диктовку жены свою «предсмерт-

ную» записку. Письмо Гимера, полученное по почте, Екатерина сама потом отнесла в полицию…

– Это он! Мой муж! Николай Самуилович Гимер!

Екатерина Павловна едва держалась на ногах, когда 27 декабря 1895 года в полицейском участке ей предъявили для опознания тело неизвестного мужчины. Ее трясло от волнения, ведь сейчас решалась ее судьба. Драма достигла своей кульминации. Неизвестного еще живым вытащили из проруби на Москве-реке. Он умер, не приходя в сознание, через десять минут после того, как его доставили в участок. Опознанный труп выдали Екатерине. Она похоронила «мужа» на Дорогомиловском кладбище, без отпевания, за церковной оградой, как самоубийцу, и получила так называемый «вдовий вид». Став вдовой, Екатерина Павловна смогла наконец обвенчаться с любимым Степаном Ивановичем и стать его законной супругой. Венчание состоялось в маленькой Никольской церкви в селе Жегалово – не хотелось привлекать к себе лишнего внимания. А Николай Гимер в это время продолжал пить горькую, затерявшись в трущобах Москвы.

Как же надеялась Екатерина Павловна на то, что все останется в тайне и она начнет новую, счастливую жизнь с бесконечно любившим ее мужем! Кто вспомнит о несчастном бездомном пропойце, утопившемся с горя в реке? Кому он нужен? Но беда была в том, что Николай Самуилович не сумел доиграть взятую на себя роль до конца. Выйдя из длительного запоя, Гимер объявился в Петербурге и зачем-то решил

выправить себе новый паспорт. Видимо, не терял надежды пристроиться куда-нибудь на службу. А какой уж тут паспорт? Умер – так умер. Но Гимер все же отправился оформлять документы, совершенно не подумав, к чему это может привести. Естественно, его личность была установлена, и совсем не мертвая, а очень даже живая. Разразился неслыханный скандал, и на супругов Гимер завели уголовное дело. Екатерину обвинили в двоебрачии, а Николая – в преступном сговоре и пособничестве жене. И началось…

О деле, разбиравшемся в уездном центре Богородске, а затем в Московском окружном суде в 1896 году, в России не упоминал только ленивый… Сидя перед зеркалом, Екатерина Павловна непроизвольно вздрогнула, вспомнив об этом. Произвол следователей. Бесцеремонное любопытство публики. Пикантные подробности «сексуального скандала», кочевавшие по страницам газет и смаковавшие произошедшее на все лады. Жуткий призрак сибирской каторги, отчетливо замаячивший перед Екатериной и в последний момент замененный годом тюремного заключения. Но и в тюрьме, слава богу, не пришлось сидеть благодаря заступничеству знаменитого юриста Анатолия Федоровича Кони, искренне неравнодушного к женской доле. Он прославился тем, что суд под его председательством оправдал революционерку-террористку Веру Засулич, стрелявшую в упор в петербургского градоначальника генерала Трепова. В срок отбывания наказания Екатерине Павловне засчитали работу акушеркой в

тюремной больнице во время следствия.

С подачи Кони министр юстиции Николай Валерианович Муравьев написал Николаю II записку с просьбой о смягчении приговора Московской судебной палаты, вынесенного супругам Гимер, и Николай удовлетворил ходатайство своего министра.

Не обошлось и без взяток, этого проверенного, во все времена и при всех властях исправно работающего средства. И немалых. У Степана Ивановича деньги были – вместе с братом он содержал в Мещанской слободе Щелкова мыловаренную фабрику и, чтобы вызволить Екатерину, средств не жалел. Годовой оборот фабрики исчислялся десятками тысяч рублей. Так что сибирского этапа в компании преступников Екатерине Павловне удалось избежать, иначе ее давно бы уже не было на свете. Она выглядела в то время так, что краше в гроб кладут. В чем только жизнь держалась, непонятно. Тягот пересылки в Енисейскую губернию и каторжных работ она, больная, измученная, истерзанная, страшно исхудавшая, превратившаяся в тень, просто не выдержала бы. А преданный Степан Иванович и в Сибирь готов был за ней последовать.

Судебные страсти и газетная шумиха постепенно затихали, жизнь входила в свою колею. Семейное счастье Чистовых ничем не омрачалось, но столь желанный покой оказался иллюзорным. Екатерину Павловну вновь поджидали испытания.

Когда в 1900 году в газете «Новости дня» появилась заметка о новой пьесе Льва Николаевича Толстого, созданной на основе нашумевшего судебного дела супругов Гимер, в прихожей его дома в Хамовниках раздался звонок. На пороге стоял взволнованный юноша, невысокого роста, сероглазый, с белокурыми кудрявыми волосами, в форме учащегося Первой московской гимназии.

– Очень прошу Вас, Лев Николаевич, от имени моей матери, не публикуйте драму. Надо мной издевается вся гимназия, но я как-нибудь стерплю, а вот маму жалко. Она столько страдала. О ее деле почти уже забыли, а сейчас все всколыхнется с новой силой. Вдруг маму посадят в тюрьму?

Вскоре к великому писателю последовал еще один визит. К Толстому явился сам «живой труп» – Николай Гимер – с просьбой найти ему хоть какую-то работу. С помощью прокурора Тульского окружного суда, добрейшего Николая Васильевича Давыдова, от которого Толстой в свое время и узнал подробности дела, эта просьба была выполнена.

Свое обещание не печатать пьесу Лев Николаевич сдержал. «Умру – тогда играйте, – ответил он Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, просившему разрешения поставить новую пьесу в Художественном театре. Драма была напечатана лишь в 1911 году, после смерти Толстого, а потом состоялась знаменитая премьера «художественников». Новая пьеса заняла ведущее место в репертуаре сотен театров по всей России. И опять Екатерина Павловна сделалась

притчей во языцех.

За ней охотились падкие на сенсации журналисты, зачастившие в Щелково. Но вместо роковой героини судебных хроник они видели перед собой маленькую, располневшую женщину, с добрым морщинистым лицом, ничем не похожую на «сексуальную революционерку», не побоявшуюся посягнуть на моральные устои общества и официально имевшую двух мужей. Она сетовала корреспондентам на то, что постановка пьесы и связанное с ней извлечение из архива давно забытого дела ее страшно огорчает и нервирует. А что еще она могла им сказать? Нервы у Екатерины Павловны действительно были порядком расшатаны. Чуть что, она начинала плакать и просила оставить их со Степаном Ивановичем в покое. Нет, покоя ей уже не видать. Остается только мужественно сносить все пересуды, сплетни и слухи, обраставшие новыми подробностями. И при жизни, и даже после смерти.

…Екатерина Павловна очнулась от тягостных воспоминаний. Неужели все это когда-то произошло с ней? Просто не верится. Но и современная действительность была не лучше. Шел 1930 год, и ее единственный сын был арестован по ложному обвинению, на этот раз как германский шпион.

Юному гимназисту, добившемуся встречи с великим писателем, чтобы защитить свою мать, было суждено стать видной фигурой русского революционного движения, экономистом и публицистом, известным под псевдонимом Н. Су-

ханов. После окончания гимназии он учился в Париже, в Высшей школе общественных наук, слушал лекции Ленина, Мартова, Троцкого, Чернова. Потом поступил на экономический факультет Московского университета. Со своей женой, профессиональной революционеркой Галиной Константиновной Флаксерман, прожившей долгую жизнь и умершей в Москве в 1958 году, он познакомился, отбывая ссылку в Архангельской губернии. Жить в Москве супругам запретили, и они поселились на окраине Петербурга. Именно в их квартире на первом этаже многоэтажного доходного дома № 32 на набережной Карповки в 1917 году состоялось историческое заседание большевистского ЦК. Инициатива предоставить для этого свою квартиру принадлежала Галине, активной большевичке. Николай же, стоявший на позициях меньшевиков и не разделявший убеждений жены, что не мешало их крепкому семейному союзу, в тот день уехал из города. Не знать о готовящемся заседании он не мог и ушел нарочно, предоставив решать все вопросы без него.

…Под потолком комнаты горела большая лампа с белым матовым абажуром. Чтобы свет от нее не падал во двор, единственное окно завесили плотным одеялом. К десяти вечера, под покровом тьмы, в квартиру Суханова стали постепенно стекаться участники заседания, соблюдая все правила конспирации.

– Яков Михайлович, а кто этот незнакомый старик? – встревоженно спросила Александра Михайловна Коллонтай

у распоряжавшегося всем Свердлова.

Им оказался не кто иной, как Владимир Ильич Ленин, переодетый и загримированный до неузнаваемости – в седом парике, без усов и бородки.

Прения завершились далеко за полночь. Десятью голосами против двух было принято решение о подготовке и начале вооруженного восстания в Петрограде.

После революции Николай Суханов занимался экономикой. Он работал на Урале, и в Москве, и за границей. Современникам запомнился этот по-европейски щеголеватый господин с изысканными манерами, в элегантном габардиновом пальто, серой фетровой шляпе. И вдруг аресты… В марте 1931 года его арестовали по процессу Союзного бюро ЦК меньшевиков. Потом арестовывали еще не раз…

Екатерина Павловна, пока была жива, как могла, пыталась спасти сына. Работая машинисткой в Щелковском исполкоме, обращалась в различные инстанции, писала прошения, подавала апелляции, но безуспешно. Она боялась, что арестуют и ее, и не без оснований. Разве могла она, в прошлом скандально известная вдова фабриканта, пусть местных, щелковских, масштабов, но все же владельца производства, остановить раскрученное колесо адской машины истребления? И разве мог Сталин простить Суханову, что в своих знаменитых «Записках о русской революции», изданных во многих странах мира, он назвал «великого вождя и отца всех народов» «серым пятном, иногда маячившим туск-

ло и бесследно»? Этими словами Николай Суханов-Гимер подписал себе смертный приговор, который был приведен в исполнение в Омске в 1940 году. Его матери к тому времени уже давно не было в живых.

…В дверь постучали. Екатерина Павловна пошла открывать. Вошла Юля, племянница и крестница мужа, дочь его родного брата Алексея. Алексей Иванович Чистов был личностью незаурядной. Староста села Жегалово под Щелковом, депутат IV Государственной думы от крестьян, вошедший во фракцию прогрессистов, он пользовался всеобщим уважением. А в марте 1917 года лично сопровождал великого князя Николая Николаевича в Ливадию, что подтверждалось удостоверением за подписью Председателя Временного комитета Государственной думы Родзянко. После революции и национализации мыловаренного производства Чистовых Алексей Иванович продолжил дело своих братьев, но уже в Москве, на фабрике «Свобода», как один из лучших специалистов в мыловаренном деле. Говорят, сама Александра Михайловна Коллонтай зачем-то приезжала к нему в Щелково на автомобиле, что произвело в городке сенсацию. А отец его жены Ольги, Иван Иванович Юхов, руководил очень известным в России хором, с которым не раз пел Федор Иванович Шаляпин. Именно хор Юхова отпевал умершего Ленина, его запись звучит за кадрами кинохроники.

Екатерина Павловна была как-то по-особому расположе-

на к племяннице. Возможно, потому, что им со Степаном Ивановичем Бог детей не дал, а с сыном, всецело поглощенным революционной деятельностью, они виделись редко. Юля была самым близким для Екатерины Павловны человеком. Она часто навещала тетушку, помогала ей по хозяйству и слушала ее рассказы о прошлом. Юля знала многое. Даже то, что в потайном ящичке туалетного столика на всякий случай припасен яд – цианистый калий, убивающий мгновенно. Зачем он Екатерине Павловне, племянница не спрашивала. Юля не торопилась выходить замуж (она так и осталась старой девой) и всю свою любовь и заботу отдавала тете, прожившей бурную жизнь. Жизнь, похожую на пьесу, точнее, на криминальную драму с трагическим финалом.

Екатерина Павловна любила делать Юле подарки – то кольцо, то бусы, то часы. Но все это было в прошлой жизни, когда она была довольно состоятельна. Сейчас она приготовила для девушки изящный темно-синий альбом с собственноручно вклеенными семейными фотографиями. Тетя и племянница неторопливо пили чай с кусочками колотого сахара. Момент прощания почему-то затягивался.

– Возьми еще что-нибудь на память обо мне.

Екатерина Павловна обвела взглядом убогую комнатку, где стояла лишь самая необходимая, порядком обшарпанная мебель. Это жилье в деревянном домишке рядом со станцией Воронок на окраине Щелково ей выделили после смерти Степана Ивановича. Он неосторожно поднял что-то тяже-

лое и надорвался. Его похоронили на жегаловском кладбище, семейном захоронении Чистовых, справа от алтаря Никольской церкви и практически напротив входа в собственный дом. Дом, где прошло так много счастливых, радостных дней, где была большая библиотека и неплохое собрание картин… Взгляд Екатерины Павловны скользил по голым стенам, пока не наткнулся на стоявшие перед ней фарфоровые тюльпаны.

– Вот пудреницы, больше у меня ничего не осталось, – вздохнула она.

Юля собралась уходить.

– Наверное, мы видимся в последний раз, – вдруг произнесла Екатерина Павловна.

– Почему? – удивилась племянница. – Что вы такое говорите?

Екатерина Павловна промолчала.

Пришедшие за ЧСИР (членом семьи изменника Родины) Чистовой-Гимер сотрудники НКВД обнаружили ее в кресле без признаков жизни. Вскрытие показало отравление цианистым калием. Место ее захоронения неизвестно. То ли она, став безымянной, все-таки упокоилась в семейной ограде Чистовых, рядом со Степаном Ивановичем, то ли нашли ей последний приют где-то в другом месте – точно не знает никто.

…На полке стоял фарфоровый тюльпан – бледно-розовый, полураскрывшийся, чуть бахромчатый по краям, с ед-

ва различимыми следами позолоты на длинной бронзовой ножке, явно сделанный в начале прошлого века в стиле модерн с его излюбленными цветочными мотивами.

– Откуда у тебя этот необыкновенный тюльпан? – спросила я мужа, переселившись к нему после свадьбы.

– От тети Юли, родной сестры моей бабушки Надежды Алексеевны Чистовой. Вообще-то их было два, это парная вещь, но один давно разбился. А принадлежал он, знаешь, кому? Екатерине Чистовой. Ну, той самой, которая стала прообразом героини в «Живом трупе»…

Я молча смотрела на тюльпан, оставшийся от легендарной женщины, вошедшей в историю благодаря драме великого Толстого, героини одного из самых громких скандалов века. Странное совпадение: поступив после школы на театроведческий факультет ГИТИСа, первую в своей жизни рецензию я писала именно на пьесу «Живой труп», сравнивая постановки двух московских театров, с незабываемыми актерами Леонидом Марковым и Георгием Бурковым в роли Феди Протасова.

– А вот и она сама. Это единственная сохранившаяся ее фотография. Других нет ни в музеях, ни в архивах.

Муж протянул мне маленький потертый кожаный альбом. Со старинной размытой фотографии смотрела улыбающаяся женщина – красивая, нежная, словно озаренная внутренним светом. Парадоксальная все-таки вещь история. Об этой женщине знала вся Россия, а изображений ее не осталось,

кроме этого любительского снимка. На последней странице альбома четким росчерком пера было выведено: *«На добрую долгую память от Екатерины Чистовой»*.

Я ехала домой… Мария Пуаре

Есть вещи, которые так давно и прочно вошли в нашу жизнь, что кажется, будто они существовали всегда. Вот, например, романс «Я ехала домой». Все его знают, а кто автор? Дотошные любители, может, и докопаются – какая-то М. Пуаре. Но мало кому известно, что за этой фамилией скрывается яркая, талантливая актриса, волновавшая российскую публику и своими сценическими созданиями, и подробностями личной жизни.

В конце девятнадцатого века многие сходили по ней с ума. Говорили даже, что один неудачливый поклонник застрелился прямо у дверей ее гостиничного номера. Артистка, певица, блиставшая в оперетках, исполнительница цыганских романсов, композитор, поэтесса, журналистка – все эти таланты сочетались в миловидной блондинке с неожиданно низким голосом, москвичке французского происхождения Марии Пуаре, родившейся в 1863 году.

Каких только цветов и подарков ей не преподносили! Когда появился первый романс, написанный Пуаре, «Лебединая песнь», всю ее квартиру почитатели ее таланта завалили фигурками лебедей – и большими, и маленькими, и серебряными, и фарфоровыми…

Ее жизнь напоминала пестрый калейдоскоп событий, в которых фигурировали самые знатные и богатые люди России. А она успела побывать в роли и городской сумасшедшей, и любимицы публики двух столиц, и изобретательной аван-

тюристки, и узницы петербургской тюрьмы…

…В тот осенний день 1916 года около здания Петербургского окружного суда царило насто ящее столпотворение. Литейный мост был весь забит людьми, не сумевшими прорваться в зал заседаний. Сквозь плотную людскую массу, запрудившую мостовые и тротуары, с трудом пробивалась карета, в которой находилась подсудимая. Дверцы распахнулись. Прокатился гул, толпа всколыхнулась, взволновалась, пришла в движение.

Хрупкая светловолосая женщина в сопровождении конвоя, прокладывавшего ей дорогу, направилась к входу в здание. Под ноги ей летели букеты. Некоторые неистово аплодировали. Кто-то кричал: «Мы Вас любим! Мы с Вами!» Но слышался и пронзительный свист, и злобное шипение, и обрывки негодующих фраз: «Аферистка! На графские миллионы позарилась! Ишь ты, графиня Маруся!»

Совсем недавно ей поклонялся весь театральный Петербург, да и Москва не отставала. И в Киеве ее обожали, и Париж она покорила исполнением цыганских романсов, хоть цыганкой и не была. Там среди ее поклонников числился один из Ротшильдов. А теперь ее ведут с позором, как закоренелую злодейку и преступницу. Но она виновата лишь в том, что любила. Любила и хотела, чтобы у нее были муж и семья. Разве это не естественно для женщины? А средства, которыми она пыталась этого добиться… Что ж, любовь за-

частую в таких делах неразборчива.

И хуже всего то, что за решетку ее упрятал ее собственный муж. Судебный пристав, предъявивший ордер на арест, холодно глядя ей в глаза, именно так и сказал. Марии не хотелось в это верить. Она знала, что на нее заведено какое-то уголовное дело. Но чтобы муж… Ведь граф только что был у нее! Мария жила в своем особняке на Фонтанке. Супруги обедали, потом муж попросил Марию спеть. Она аккомпанировала себе на гитаре – семиструнной, палисандрового дерева, с перламутровой инкрустацией. Пела с каким-то особым чувством и надрывом, словно догадываясь, что больше петь для любимого не придется. «Я ехала домой, я думала о Вас…» Ее мягкий, обволакивающий голос бередил душу. Граф даже прослезился. Он вообще был несколько сентиментален.

– Не волнуйся, Маша, все закончится хорошо, поверь мне. Я не пожалею для этого ни денег, ни связей. Я остановлю происки этих злоумышленников, чего бы это мне ни стоило. Они отзовут свой грязный иск обратно. Успокойся, дорогая, и не думай об этом.

На прощание граф перекрестил и поцеловал жену. Он всегда так делал. А через несколько минут вошли полицейские с наручниками…

– Мария, он недостоин тебя. – Казалось, внутри нее заговорил другой человек. Другая, мудрая, все понимающая женщина, и к ней нельзя было не прислушаться. Мария от-

махивалась от ее слов, но та продолжала твердить свое. – Графу льстило внимание такой необыкновенной женщины, как ты. Ему нужен был наследник его двадцатимиллионного состояния. Здоровый, крепкий ребенок. Он говорил тебе об этом с первого дня знакомства. Ни комплиментов, ни признаний в любви ты не слышала. Согласись, это несколько странно. Вспомни, разве он любил тебя? Разве понимал, что творится в твоей душе? Тебе хотелось видеть своего избранника благородным, щедрым и надежным? Но это всего лишь твое желание, искажающее действительное положение вещей. Ты же сама сказала, что ваша свадьба была для тебя театральной постановкой. Ты принесла себя в жертву. Зачем?

…Она прошла на скамью для подсудимых, присяжные сели на свои места. Суд проходил в знаменитом Белом зале, в котором слушались дела террористки Веры Засулич, Сикорского, Сазонова.

Раздались страшные слова:

– Истцом по делу графини Марии Яковлевны Орловой-Давыдовой, урожденной Пуаре, выступает ее муж, граф Алексей Анатольевич Орлов-Давыдов.

Мария едва не лишилась чувств. Значит, это все-таки он. Он все организовал, а не какие-то безвестные «злоумышленники». Значит, все это время он бессовестно лгал, притворялся, выкручивался. А эти поцелуи, это внимание, эта забота, этот нежный тон в голосе? Чудовищный обман. Дьяволь-

ская изворотливость. Двуличие и коварство. Значит, муж просто вводил ее в заблуждение. Чтобы не дать ей как следует подготовиться к предстоящему суду. Чтобы застать ее врасплох. И этого человека она любила? Посвящала ему стихи?

Нет, он не мог так с ней поступить. Его настроили против нее. Его заставили. Он такой слабовольный, легко поддается дурному влиянию. «Карл? – мелькнуло в голове. – Неужели все-таки Карл?»

– Эта кроткая с виду женщина опасна для общества, – услышала она голос графа. – С детства она была исчадием ада. Дикая, своенравная, неуправляемая. А знаете ли вы, милостивые государи, что в юности первый муж госпожи Пуаре поместил ее в сумасшедший дом? Правильно сделал. Вот только выпускать оттуда ее не следовало.

Марии стало трудно дышать. Она непроизвольно приложила руку к груди, а другой рукой схватилась за край скамьи. Зал заседаний поплыл у нее перед глазами…

– Боже, что со мной? Где я?

Голова гудит. Она обрита наголо. Ноги не слушаются. По спине ползет холодный липкий пот. Мария снова огляделась вокруг. Как она здесь оказалась? Нет, этого не может быть! Ночными кошмарами она не страдает, но то, что сейчас происходит, иначе не назовешь.

Унылые, обшарпанные стены. Решетки на окнах. Железная кровать с голым матрасом, без всякого постельного бе-

лья. На ней какой-то грязный балахон, скрывающий ее хрупкую фигурку. Он напоминает саван. Беспомощно свисают слишком длинные рукава.

Напротив женщина с всклокоченными волосами и безумным взглядом бубнит что-то под нос, сидя на кровати и слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Почему она такая странная? О чем она говорит?

Сейчас все закончится. Просто надо во что бы то ни стало проснуться и прекратить этот ужас. Мария изо всех сил вцепилась в свою руку и вскрикнула от боли. Значит, она не спит.

Это сумасшедший дом. Больница для умалишенных. Ее привезли сюда вчера вечером. Врач и двое санитаров с трудом ее усмирили. Ей сделали какой-то укол, и она провалилась в тяжелый, мутный сон…

Сидя на скамье подсудимых, Мария закрыла глаза. В памяти всплыли слова, сказанные много лет назад:

– Маня, ты просто сошла с ума. Не знаю, что с тобой делать. Опять взялась за свое. Разучиваешь какие-то роли, вместо того чтобы заниматься домом.

Муж неожиданно вошел в ее комнату в тот самый момент, когда она перед зеркалом читала монолог Офелии.

– Я хочу поступить в консерваторию. На меня обратили внимание Чайковский и Рубинштейн, – тихо ответила Мария.

– Я не позволю, чтобы моя жена выступала на сцене. Ка-

кой позор! Я солидный, уважаемый человек, а ты желаешь распевать на подмостках фривольные куплеты.

– Но вам же нравилось, как я играла в домашних спектаклях.

У Марии никак не получалось обратиться к мужу на «ты» – он был почти втрое старше нее.

Замуж за инженера Михаила Свешникова, старинного друга семьи, шестнадцатилетняя Маруся вышла не по своей воле. После смерти отца родные сестры постарались поскорее сбыть ее с рук – отдать первому посватавшемуся. И немудрено. Александра и Евгения, крупные, рослые, как гренадерши, спортивного телосложения, своими резкими манерами отпугивали потенциальных женихов и никак не могли выйти замуж. А тут еще Маруся, очаровательная изящная блондинка с голубыми глазами, привлекает к себе всеобщее внимание и отбивает кавалеров. Помимо красоты, в ней столько талантов! Артистичная, музыкальная, стихи пишет. Надо поскорее избавиться от нее, чтобы не мешала! Отец не позволил бы этого сделать, но несколько лет назад его убил на дуэли конкурент, а мама умерла, когда Марусе было всего восемь. И теперь ей приходится выслушивать нотации нелюбимого старого мужа.

– Я хочу быть великой актрисой. И стану ею!

– Неужели ты думаешь, что я тебе это разрешу? Ты будешь поступать так, как я считаю нужным, иначе…

Иначе муж лишит ее всего – приданого (крестный дал за

ней десять тысяч рублей), честного имени, положения в обществе. Просто объявит ее сумасшедшей.

И тут в Марусе что-то взорвалось. У нее началась дикая истерика. Она металась по комнате в приступе невыразимого гнева, выкрикивала бессвязные слова, швырнула на пол вазу и дорогие каминные часы… Вызванные мужем санитары куда-то ее поволокли, несмотря на отчаянное сопротивление…

– Представь, Миша, одна моя хорошая знакомая оказалась в сумасшедшем доме. Мечтает о сцене. Непонятно, что с ней стряслось.

Аня Лентовская, артистка Малого театра, завтракая с братом, известным московским антрепренером Михаилом Лентовским, не могла не поделиться с ним взволновавшей ее новостью.

– А как ее зовут?

– Маруся Пуаре.

– Уж не покойного ли Якова дочка?

– Она. У них в семье семеро детей, и Маруся – самая младшая.

Яков Викторович Пуаре, сын французского офицера, осевшего в России после наполеоновского похода, и польской дворянки Яворской, был известной личностью в обеих столицах. Удивительный человек, просто уникум. И француз, и москвич – как-то это все в нем сочеталось. Женился Яков Викторович на Юлии Андреевне Тарасенковой из бо-

гатого рода суконных фабрикантов, дородной русской красавице, вскоре ставшей видной московской гранд-дамой. По слухам, крестным одного из многочисленных детей четы Пуаре был сам император Александр II. Пуаре содержал знаменитую гимнастическую школу, единственную в Москве, что-то вроде фитнес-клуба девятнадцатого века. Преподавал гимнастику, фехтование, учил выездке. Многие известные люди посещали школу Пуаре – и артисты, и писатели, и композиторы. Гимнастика тогда входила в моду.

Фехтовальщик Пуаре был блестящий. Силач, каких мало. Поднимал в рывке одной левой восьмидесятикилограммовую гирю. Состоял в штате Императорских театров, ставил сцены дуэлей и сражений. Имел в Большом театре постоянную ложу бенуара № 8. И так глупо погиб – в самом расцвете сил, получив ранение на дуэли. Чего они не поделили с этим немцем Бродерсеном, открывшим школу гимнастики вслед за Пуаре? Но говорят, в споре была задета честь Франции…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.